

Л.А. КАССИЛЬ

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Повесть

Москва
Издательство АСТ
2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К28

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*
Иллюстрация на обложке *И. Савченков*

Кассиль, Лев Абрамович.

К28 Дорогие мои мальчишки : повесть / Л. А. Кассиль. —
Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-17-173153-3 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-173154-0 (Школьное чтение)

Произведение входит в программу обязательного чтения
по литературе в 5-м классе.

«Дорогие мои мальчишки» — повесть Льва Кассиля
(1905–1970), рассказывающая о дружбе и мужестве маль-
чишек в годы Великой Отечественной войны.

Главный герой, Капка Бутырёв, вместе с друзьями живёт
и работает в небольшом городке Затонске. Его отец ушёл на
фронт, а мать погибла во время первых фашистских налё-
тов. Капка трудится на заводе и заботится о своих сёстрах.
Он, как и многие его товарищи, был вынужден рано повзро-
снуть, чтобы помогать в тылу наравне со старшими. Синего-
рия — вымышленная страна, где живут отважные и смелые
люди. Вместе с ребятами Капка организует отряд «синегор-
цев», оказывающий помощь семьям фронтовиков.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЕАС

© Кассиль Л.А., насл., 2025
© Савченков И.Ю., ил. на обл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

*Светлой памяти
Аркадия Петровича Гайдара*

Глава 1

ТАЙНА СТРАНЫ ЛАЗОРЕВЫХ ГОР

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которых не нанесли на карту лишённые воображения люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синегорию — никому не ведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свёл дружбу с прославленными Мастерами-синегорцами Амальгамой, Изобарой и Дроном Садовая Голова.

С техником-интендантом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда плавал на Северном флоте. Гай был здесь синоптиком одного из военных аэродромов Заполярья, пожалуй самого северного авиационного стойбища мира. Место это обозначено на карте, но нам от этого было

не легче. Мы бы скорее предпочли, чтобы немцы считали, будто этой маленькой каменистой площадки, острозубых скал и мшистых сопок вообще нет на свете. Может быть, нас тогда оставили бы в покое...

Полярный круглосуточный день не давал нам ни сна, ни отдыха. Нас бомбили с утра до вечера, а утро в этих краях началось недель пять назад, и до вечера надо было ждать ещё не меньше трёх месяцев. Раз по десять в сутки нам приходилось залезать в щели, а над головой взлетали обломки расколотых валунов, градом сыпались пластинки шифера.

По сигналу «воздух» Сеня бросался снимать с маленькой вышки полосатую матерчатую колбасу — длинный сачок для ловли ветра, — хватал термометр и ещё какие-то приборы, и всегда бывало так, что являлся он в укрытие последним, когда всё уже кругом ухало, трещало и сыпалось.

— Сегодня, кажется, дают на все двенадцать баллов, — негромко вор-

чал он и, роясь в каких-то прихваченных им бумажках, тихонько мурлыкал про себя песенку, которую я уже не раз слышал от него:

И, если даже нам
порой придётся туго,
Никто из нас, друзья,
не струсит, не соврёт.
Товарищ не предаст
ни Родины, ни друга.
Вперёд, товарищи!
Друзья, вперёд!

Я знал, что Сеня Гай между делом пишет стихи. И вообще мне было известно о нём всё, что может быть известно о человеке, с которым уже две недели живёшь в одном блиндаже. А с Гаем мы быстро сошлись. Оба мы были волжане и наверняка знали, что нет на свете реки лучше, чем наша Волга. До войны Арсений Петрович Гай изучал направление и особенности ветров в волжском низовье, где летом всегда дует горячо и засушливо. Был он прежде учителем в средней школе,

потом работал с пионерами. Он мог часами рассказывать увлекательнейшие вещи о погоде, о засухе, об изменчивых течениях воздуха. Он знал все ветры наперечёт и обычно свой рассказ заключал фразой: «Мы всё ещё изучаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их». И, сказав так, он снова брался за свои кальки, планшеты, карты и вычерчивал какие-то сложные кривые, напевая под нос:

Отца заменит сын,
и внук заменит деда,
На подвиг и на труд
нас Родина зовёт!
Отвага — наш девиз, —
Труд, Верность и Победа!
Вперёд, товарищи!
Друзья, вперёд!

— Это о каком же таком девизе вы распеваете, Сеня? — спросил я однажды у него, когда мы лежали рядом в укрытии и треск зениток, уханье бомб стихли настолько, что можно было уже разговаривать.

— Это в нашей Синегории... Ну, кажется, отбой. Пойду шар-зонд запущу, верхние слои прощупаю.

Так я впервые услышал о синегорцах. Естественно, мне захотелось узнать больше.

Однако, когда я пробовал расспрашивать Гая, этот большой, широкоплечий, громоздкий человек со свежим мальчишеским лицом смущался, отнекивался, обещал каждый раз рассказать при случае всё подробно, но откладывал дело со дня на день.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и весёлая тайна Гая очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаем: я очень привязался к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налёта, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи база-

ры, определял по положению валунов направление древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой берёзки-стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги. Гай много знал и умел обо всём рассказать по-своему, неожиданно; всё вокруг — и мох, и валуны, и облака открывали ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756-Ф», и заметил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась радуга, и её пересекала стрела, повитая плющом. Однажды пришёл Гаю подарок — кисет и маленькое скромное зеркальце с крышкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено нечто вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд — Победа».

— Вот, — сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, — не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы — народ верный. Это, конечно, Амальгама сообразил... Синегорчики мои дорогие! — И он улыбнулся скрытно и застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, погляделся в него, потёр коротко стриженную голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

— Ладно, ладно, — сказал он, — расскажу. Придёт время — и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал ещё достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора немножко осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже сам спросил:

— Ну, что в Синегории слышно? Как поживают синегорцы и этот... как его... Альбумин?..

— Амальгама, — чуть усмехнувшись, но тотчас снова став серьёзным, поправил меня Арсений.

— Нет, правда, откуда же это письмо и кiset?

— Из Синегории... Откуда же ещё?

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

— Улетаете сегодня?.. Ну что ж, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте всё на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было тёмно-сиреневое после дождя и не совсем ещё уходилось. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полупрозрачным концом слегка врезалась в горизонт и казалась потому совсем близкой. Истребители прошли под радугой, как под огромной воздушной аркой. В капонирах, сложенных из камней, укрытые ветвями, притаились самолёты-штурмовики. Под навесом с маскировочной

сеткой лётчики играли в «козла» и громко стукали о стол. Они играли молча и только крякали, когда с размаху выкладывали подходящее очко. В одной из ближних землянок запустили патефон. Песня была про золотые горы, про реки, полные вина, которые певец отдал бы за чей-то ласковый взор, — на, бери всё, не жалко, только люби... И оба мы — Арсений и я — вздохнули вместе, хотя и каждый о своём.

— Ну ладно, — начал Арсений, — давайте расскажу.

Глава 2

СКАЗАНИЕ О ТРЁХ МАСТЕРАХ

— Была некогда такая страна Синегория, — начал свой рассказ Гай. — И там, у Лазоревых Гор, жили работающие и весёлые люди — синегорцы.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипрокво, живут Три Великих Мастера — славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальга-

ма, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова!

Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник. Дрон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжёлые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина. Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причём тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Си-

негории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но, когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда весёлой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали лёгкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая со-

бака, трепал и рвал одежду людей. А люди шли сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мёл сухие листья по испорошённой земле, и ни откуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной визг слышался отовсюду. Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

«Что произошло у вас?» — спросили у жителей озадаченные путешественники.

«Разве вы не знаете? — отвечали им. — Нас разорили ветры... Всё пошло на ветер».

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон.

Король Фанфарон был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранчённый в пух и прах и в конце концов пустил всё своё состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король бол-